

Друг мой, прочитав этот рассказ, сказал: «Обычная история для нашего времени. Ты её в газетах вычитал или в Сети?..»

Сёмка стоял у окна и очень волновался. Стекло отделяло от него промозглую осень: мокрый стылый ветер тщетно пытался оторвать от асфальта жухлые листья, бился в рекламные щиты новой России, рылся в тёмных кучевых облаках и гнул зонты редких прохожих. Дождя, можно сказать, не было, просто сырость летела вдоль улиц общим фронтом стальной мороси, наподобие растаявшей метели. Улица выглядела неприглядно и склизко даже в элитном районе, холодом от неё веяло и сквозь стеклопакет. Но всё это и обещало: ребята придут...

А для Сёмки было очень важно, чтобы они пришли, потому что оставаться равным в разношёрстной, но главной компании восьмого «А» и восьмого «Б» ему позволяли две возможности: он приносил что-то необычное на потеху друзей в школу, второе — общий пир в его квартире, где несколько компьютеров давали возможность прямо на месте играть в сетевые игры, а забитый всякой иностранно-пищевой требухой холодильник был местом привала. Собственно, и двухэтажная

---

* Печатается в сокращении.

квартира, которую смог выкупить в престижном доме отец Сёмы, бизнесмен Сырцов, предоставляла место не только для сетевых игр, но и для перестрелок, тира, «казаков-разбойников», в конце концов. Но про последнюю игру современные дети почти ничего не знали. В «войнушку» теперь играли в Сети и убивали уже не фашистов, как было негласно принято в XX веке, а всех подряд, включая космических пришельцев и даже спецподразделения России, над чем никто не «заморачивался».

Лето прошло скучно и бездарно. Сначала Сёмку отправили в райцентр к бабушке, где он целыми днями сидел дома, уставившись в тусклый экран ноутбука, потому что появление на местных улицах могло обойтись ему неравным во всех смыслах противостоянием с местными ребятами, и если не синяками, то издевательствами и унижением точно. Жили здесь неприметно, плохо и винули в этом почему-то горожан областного центра. (Впрочем, и последние также в некоторых случаях во всех бедах винули Москву.) Отец хоть и сделал там ремонт и даже установил кондиционеры, квартира бабушки была маленькой, душевной и какой-то «старорежимной». Последнее слово Сёмка услышал от отца. Он долго ругался с матерью, пытаясь хоть после ремонта вынести оттуда старые комоды и серванты, но та напомнила ему, что это его родовое гнездо, память об отце (дедушке Сёмы, который работал каким-то начальником на железной дороге ещё в эпоху паровозов), и, главное, она здесь хозяйка. Отец вздохнул, махнул рукой и сказал: «Ну и стереги свою старорежимность!»

Одно непонятно: зачем Сёмку каждый год отправляли к бабушке, словно он должен был помогать ей стеречь эту квартиру. Бабушка была к тому же очень навязчива и пыталась заставить внука хотя бы присмотреться к рядам пыльных старых книг огромной библиотеки. А ещё она играла на стареньком пианино (клавиши которого были не белыми и черными, а жёлтыми и серыми), стараясь попутно рассказывать рассеянному Сёмке о музыкальных произведениях и великих композиторах. И ставила виниловые «старорежимные» пластинки на проигрыватель «Аккорд», который скрипел, шипел, а только потом понимал, что должна звучать какая-нибудь прелюдия, симфония, опера... Впрочем, стоило признаться, некоторые произведения Сёмке всё же нравились, и тогда он, к удовольствию бабушки, садился рядом с ней на диван и ловил себя на мысли, что испытывает некие незнакомые ему чувства. «Музыка — это то, что нельзя сказать словами», — поясняла бабушка. И Сёмка пытался понять, что же она говорит, хотя ничего, кроме тревожного томления, из этого не получалось. Долгие годы она работала учителем в музыкальной школе.

— Музыка божественна!.. — повторяла бабушка.

— Почему? — спрашивал Сёма.

— Потому что её дал нам Бог как раз для того, чтобы говорить то, о чём сказать нельзя.

— А что? Бог, ты думаешь, есть?

Бабушка, прежде чем ответить, задумчиво подходила к окну, смотрела в него, словно туда должен был заглянуть Бог, и лишь потом отвечала:

— Присутствие Его ощущается слишком во многом, чтобы этого не замечать...

Если, конечно, у тебя открыто духовное зрение...

— Какое?

— Прости, рано тебе об этом. Отвечу проще: если Бога нет, зачем тогда жить?

— Как зачем?! — подпрыгивал Сёма, а вместе с ним иголка на знаменитой

«Улетай на крыльях ветра» из оперы «Князь Игорь» русского композитора Бородин (запомнил!), которую, впрочем, он слышал и в хорошей современной обработке.

— Сёма, осторожнее, — умоляла баба Аня, — теперь таких пластинок нет.

— Бабань (*так сокращал имя и звание Сёма*), теперь всё есть. Вот, сюда иди... — и открывал перед пожилой учительницей просторы неведомого для неё Интернета.

Он быстро нашёл не только оригинал, но и обработку и «Половецких плясок», и песни «Улетай на крыльях ветра». Оценив новую аранжировку, удивлённая бабушка сказала одно слово: «Недурственно».

Бабушку Сёма любил и, конечно же, понимал, почему его каждый год отправляют к ней на «дополнительное образование». У вечно занятого отца времени на вечернее чтение «Двух капитанов» вслух да по очереди с ним, не хватало. Да и музыкальное образование, как говорил отец, получил он под маминым прессингом. У бабушки Сёма не чувствовал, что его прессуют, у бабушки, в отличие от отца и матери, хватало и времени, и, главное, терпения. Впрочем, терпения не хватало у Сёмы...

Зато знаний, полученных у бабушки, хватало, чтобы иногда удивлять свою компанию. Так, при разборе новой игры, что загрузил Сёма, кто-то сказал:

— О, классную музыку написали разработчики!

— Как же, разработчики, украли они её. У Эдварда Грига! Был такой норвежский композитор...

— Ни фига ты, Семён, продвинутый в музыке! — уважительно оценили его знания ребята.

Да, с бабушкой было иногда очень хорошо, как в настоящей семье. Единственное, что было невозможно, сидеть целый день у экрана «компа» и ругать на сленге сетевых напарников по какому-нибудь отряду «Дельта», которые подставляли продвинутого сетевого игрока Семёна Сырцова. Они же, как порой на поверку оказывалось, были взрослыми людьми, которые, в свою очередь, сидели в многочисленных офисах и даже важных чиновничьих конторах. Да, видать, ничему не научились...

А бабушка ещё всегда давала с собой книги. Они вставали на красивую полку в Сёминой комнате и стойко ждали своего часа. Час не наступал — компьютер не отпускал. Времени у Сёмы, как и у отца, не было.

А нужно было ещё вытерпеть целый месяц в Греции, где интересно только первые три дня. Пляжную тоску удавалось хоть как-то разбавлять айпадом. Море, конечно, радовало, но порезвиться было не с кем. То незнакомые русские, то всегда обиженные на русских украинцы, то хоть и дружелюбные, но незнакомые сербы, а то и вообще немцы и французы. Однажды попали на неделю в соседство с японцами... Семён чуть с ума не сошёл от их размеренности и этикета. Дело в том, что отец разумно, с его отцовской точки зрения, менял места пребывания, чтоб не сидеть на месте и побольше увидеть, и если Семёну удавалось наконец-то завести друзей, втереться или сколотить компанию, то уже наступало время переезда «к новым рубежам», так говорила мама. Кстати, сами греки Семёну нравились, хотя все про них говорили, что они ленивые. В чём проявлялась лень греков, Семён понять не мог. Сколько ни присматривался, они постоянно были чем-то заняты. Разве что магазины работали с большим дневным перерывом, который назывался сиеста. Греки считали это жарким временем, а все остальные — как раз элементом греческой лени.

— Странно, у нас же в морозы бывают актированные дни, — такое заключе-

ние сделал Семён, но никто его не услышал. Видимо, то, что школьники в России в морозные дни не учатся, греков с их жарой никак не извиняло.

Да, конечно, отец, как говорится, старался для семьи: побывали и на Кассандре, и под древним Олимпом, обошли на катере древний Афон, выкупались в лазоревой воде на Ситонии, пожили в Салониках, ну и под конец поднялись на Акрополь и потрогали камни вновь отстроенного Парфенона. Но пусть греки сами изучают свою легендарную историю. Сёме она надоела ещё в пятом классе... Несколько дорогих покупок не компенсировали Сёме полной утраты самостоятельности на целый месяц, да ещё предстояло по возвращении не один день закачивать обновления всех игр. Домашний компьютер уже снился... Он терпеливо и зовуще ждал в комнате.

И вот этот день наступил! Отец с матерью поехали с друзьями на загородную базу, а Сёма предварительно и по умыслу за день до этого покашлял и почихал, демонстрируя, что холодный осенний воздух может развить его начинающуюся ОРВИ. Пришлось, правда, заглотить горсть арбидола и запить его клюквенным морсом, но это было лёгкой компенсацией за два дня свободы. За день, когда к нему придут друзья.

Родители уехали, предоставив Сёму попечительству соседки тётки Нины. Последняя же была занята больше попечительством своего очередного бойфренда. Потому заглянула один раз утром и спросила:

— Сёмочка, у тебя есть что покушать?

— Есть, мама наготовила перед отъездом, могу даже вас с вашим Мироном (так звали нового друга тётки Нины) накормить.

— Ух ты! А что там?

— Фаршированные перцы, целая тарелка бурито, курица в духовке, отбивные... Ну, и я всегда могу сварить себе пельмени.

— Круто! — оценила тётя Нина. — Тогда давай так: если тебе что-то понадобится — звякнешь мне. А так, выходные мы с Мироном собирались прошвырнуться по магазинам...

— Шоппинг?

— Да так, больше на посмотреть... А вот бурито один... нет... два я бы у тебя попросила. Мне хотя бы не готовить с утра.

— Щас! — Сёма убежал в кухню-гостиную. Откупиться от излишней опеки двумя бурито — это дёшево. И почётно. Он сам кормит своего опекуна. Спасибо, мама!

Получив желаемое на отдельной тарелке, тётя Нина повела носом, глазами выразила восторг, снова повторила устаревшее уже слово «круто» и, чмокнув Сёму в щёку, исчезла на лестничной площадке

— Круто, — с хитрой ухмылкой согласился Сёма, закрывая дверь, и побежал к окну — ребята вот-вот должны были появиться.

А прийти должны были пятеро: Валерка (имевший сразу два прозвища: Сила и Лысый; первое — за лидерство в физическом превосходстве и занятия единоборствами, второе — за спортивную стрижку). Это был неразговорчивый, но добрый парень из параллельного класса. Славик-Айти (прозвище подчёркивало его компьютерный гений) — шепутной очкарик, неиссякаемый придумщик, который мечтал писать компьютерные игры. Олег по прозвищу Втащу (так он кричал при любом конфликте, которые очень любил затевать в любой ситуации, по сути, неформальный лидер всей компании), Данил (Зануда) — знаток брендов и созревающий перспективный ловелас, Толик (Чича, потому что Чичерин), как и Сёмка, сын

бизнес-семьи, но ему больше повезло в плане физического развития, и его чаще принимали в компании. Впрочем, дома у Толика все тоже бывали. В шикарном особняке за городом родители отдали сыну целый этаж, где были игровая, тренажёрный зал и, помимо двух ванных комнат, разумеется, спальня.

Проглядывая до последних падающих листьев стылый октябрь, Сёмка с нетерпением ждал друзей (так он считал!), и даже не мог из-за нервного состояния сесть за компьютер, чтобы скоротать время. Точно девчонку на свидание ждал. Зато пришлось постоять у окна и открыть для себя много нового. В природе, в городе, в деталях и в мелочах... Эти открытия даже успели его взволновать, но не настолько, чтобы не воскликнуть «йес!», когда увиделдвигающуюся к дому ватагу ребят.

Сёмка ждал пятерых, а шли семеро... Помимо уже перечисленных, в компании присутствовала всегда державшаяся особняком парочка: Махад — резкий, как и все они, кавказец, и Иван (Вано, потому что видели его в постоянной компании с кавказцем) — едкий во всех смыслах парень. Таких, как Вано, бояться даже самые сильные, потому что, защищая свою независимость, они не остановятся ни перед чем, пойдут до конца. Такой характер сродни как раз кавказцам, может, потому они с Махадом и сошлись? Так или иначе, но присутствие этой пары в общей группе озадачило и насторожило Сёму, потому как грозило непредсказуемыми последствиями сближения в его доме. Ваня и Махад славились в школе как лидеры реальных хулиганских проделок и не раз привлекались разными там органами внутренних дел, и лично директор школы считал их своей головной болью. Однако сам директор в своём кластере был лузером. Все знали, что он подворовывает из школьного бюджета, а его «Ниссан-теана» во дворе школы не раз раздражал вышестоящее руководство. В принципе-то, по меркам нынешнего мира, всё у него было хорошо, кроме главного, — он был полный лузер в педагогике. Лох! В школе быть вызванным к директору называли «сходить в “Камеди-клуб”». Больше и говорить ничего, наверное, не надо. Лузер он и есть лузер. Старшеклассники записывали его замечания, чтобы потом выставлять в сеть на всеобщее посмешище. Да, собственно, и его выступления перед коллективом радовали Ютуб.

Но вот вместе со всеми в квартиру Сырцовых шли Вано и Махад. Как стихийное бедствие. Сёмка вдруг пожелал, чтоб неожиданно вернулись родители, подумал и о том, что скажет ребятам: «Родаки срочно возвращаются». Но задним умом понимал, что ничего этого не сделает...

Ватага ввалилась шумно.

— Семён, дарова!

— Семён Семёныч...

— Сёмка, краба давай!

— О! Нехило тут буржуинство живёт! — это был как раз Вано.

— Салам, брат!

Расчёт Семьи увести всё в сторону сетевых игр не оправдался с первых минут, ибо Иван с порога запросил:

— Пожрать дашь? Замёрзли с Махадом, а тут наши идут к тебе. Есть чё на зуб кинуть?

— Есть, пошли.

Все оказались на кухне, и в мгновение ока исчезли бурито и фаршированные перцы. Про курицу Семён пока подзабыл, как и про то, что хозяину ничего не досталось. Ваня с рулоном бурито в руке между тем по-хозяйски осматривал кухонные шкафы. Что называется, как дома.

— Это чё за бутылки?

— Оливковое масло. Мама только на нём готовит, — пояснил Семён.

— Знаю, что круто, но не одобряю, наше подсолнечное, может, и вреднее, но вкуснее.

— Тебе налить? — пошутил Сёма про масло, но тут же об этом пожалел.

— А есть что выпить? — тут же подхватил Ваню.

— Алкоголь — враг! — вовремя, казалось бы, встрял Махад.

— Да вы, муслики, только на словах не пьёте. Сёма, сказал «а», наливай «б», говорю, замёрзли! — последнее слово он разбил по слогам, отчеканил.

— Так своего-то у меня нет... Только батино, а он заметит.

— «Своего-то у меня нет...» — передразнил Ваню, — плохо готовишься к приёму друзей.

— Я ж не бухать звал!

— А мы что, бухать? По рюмке с холоду — милое дело!

И тут он дошёл как раз до отцовского бара:

— Ни фиги себе! Да твой батя и не заметит, что у него тут чего-то отпили. Он у тебя что, бухает по-чёрному?

— Он вообще почти не пьёт. Бывает, рюмку с гостями...

Обилие разномарочных и разноёмкостных бутылок могло, конечно, поразить неподготовленное пролетарское воображение Ваню, но, похоже, он вообще впал в ступор. Он крутил бутылки в руках одну за другой. Прошло какое-то время, прежде чем он определился:

— О! Всегда мечтал двадцатипятилетний вискарь попробовать. Тем более, пuzziрь открыт. Чё там у тебя ещё на закуску, Семён? — последнюю фразу он сказал так, как будто обращался к равному и старшему товарищу. Это и подкупило Сёму.

— Есть ещё курица, — сообщил он.

— Давай курицу! Парни, кто будет по пять капель? — тут он повторил фразу своего отца, которую слышал не раз. — Махад?

— Я сказал, не буду! — резко, почти злобно отрезал кавказец.

— Чурка ты и есть чурка, — такую фразу Махад мог простить только близкому другу.

Впрочем, без ответа её не оставил:

— Валенок сибирский!

— Кто будет, парни? — снова бросил клич Иван.

— А я, пожалуй, глотну, — решился вдруг Толик. — Вискарь, действительно, достойный. Батя у меня своё пузо таким балует. Побуржуйствуем...

— И я, — поднял руку, как в школе, Данил.

В итоге присоединились ещё Славик и Олег. Налили и Сёме (а как без хозяина?). Отказался только спортсмен Валера. Выпили вроде по рюмке, но, казалось, в голове у каждого случился свой взрыв. Курица улетела следом, хотя куры, как известно, летать не умеют.

— Ну, пойдём нахлобучим кого-нибудь, — потёр руки Славик Айти к вящей радости Сёмы, потому как фраза предполагала сетевую игру. — Самое время пострелять.

— А! Идите, — презрительно напутствовал команду Ваню, — не мужское это дело в игрушечные стрелялки бегать.

Все знали, что дома у Ваню напряг с отцом, который запретил ему всякое игровое общение с компьютером, потому не приняли его слова всерьёз.

— Сёма, кинуха какая-нить свежая есть на DVD? Я бы попялился, пока вы из себя крутых страйкеров корчите.

— Там, — нетерпеливо отмахнулся Сёма на гостиную, — куча дисков, пульта, разберёшься.

— Не вопрос, разберусь, — согласился Ваню.

Дальше вроде всё пошло по плану Сёмы. Народ разбрёлся по компьютерным точкам и начал боевые действия. Об успехах или неудачах той или иной группы можно было судить по возгласам и откровенной ругани. У «криворуких» всегда были виноваты Сеть и провайдеры.

Про Ваню на какое-то время все забыли. До тех пор, пока он сам не напомнил о себе.

— Э, деточки, — объявился он в комнате с арбалетом наперевес, — вот из чего стрелять надо. А вы за джойстики вцепились, пионэры. — Он так и сказал *пионэры*, повторив за своим отцом. — Чё это? — обратился он к Семёну.

— Арбалет.

— Я понимаю, что не бейсбольная бита. Он стреляет?

— Стреляет, конечно. Отец в клуб специально ходит. Где ты его взял?

— Да стоял себе в углу, скучал. А тут — я. Взводится тяжело, я попробовал.

Почему отец оставил арбалет не в сейфе? Ах да, вернулся вчера из клуба поздно, устал. Бросил там, где мать его кормила. И кино потом они смотрели... Ах, батя-батя...

— Стрелочку-то вот сюда вкладывают?

— Сюда, — хмуро ответил Сёма.

— Ну, что, народ, пойдём поохотимся? На реальную дичь, — позвал всех Иван.

— В смысле? — оторопел Сёма. — Его, между прочим, приравнивают к реальному оружию.

— А я о чём? — криво ухмыльнулся Ваню, взвешивая в руках арбалет. — Ну, ка, открой окно!

— Зачем?

— Птичку какую стрелю.

— Ваня, это не игрушка.

— Это у вас игрушки, а это, — он прицелился из арбалета в настенные часы, — сила!

— Брось, Ваню. Не до шуток, — этой помощи очень ждал от Валеры Сёма, и она пришла. Но эффективность её была обратно-пропорциональна тому эффекту, которого Сёма от неё ждал.

— Я не понял, — возмутился Иван, — а чего это все заочковали?! А?! — Он окинул притихшую компанию взглядом.

Валера презрительно пожал плечами, что означало «Делай, что хочешь». И тогда Ваня подошёл к окну, открыл его и выставился оттуда, как из бойницы. В квартиру подул не только стылый воздух, но и опасность.

— Вань, закрой. Не смешно уже, — в последний раз попросил Сёма.

Но его даже не удостоили ответом.

— Блин! Дичи никакой! — досадовал за окном Ваню. — Что такое осень?! Это птицы! Где?! Хоть бы кошка какая!..

— Э, стрелок, давай уже обратно, всю хату выстудил, — позвал друга Махад.

— Подожди! О, гляньте, попик!

Сначала никто не понял, о ком он говорит. И только Сёма увидел в соседнем окне удаляющуюся спину священника в рясе, поверх которой была брошена курточка.

— Ты дурак, что ли? — встрял Толик. — Это же человек!

— Какой человек?! Это тунец! Батя мой так говорит. Пока он в автосервисе

круглыми сутками баграчит, эти попоют себе, кадиллом помашут и — «мерседес» в кармане. Твари! — злость в голосе Ваню была нешуточная, но никто и подумать не мог, что он выстрелит. — А что, если я ему в задницу залеплю? А?!

Никто не верил. И только Махад, который знал своего друга лучше всех, кинулся к нему.

— Стой, дебил!

— А чё, Аллах только рад будет! — повернулся к нему Ваню, и в этот момент палец его скользнул по курку.

Арбалет гукнул, мгновенно спустив натянутую силу тетивы. А под окном как подкошенный упал священник.

— Ты чё сделал, урод?! — это Валера.

— Парни, пошёл я домой... — тихо поплыл в сторону Данил.

— Зачётный выстрел, придурак, — Махад посмотрел на друга с ненавистью. — Туняец, говоришь? На себя со стороны смотрел?..

— Не, я не подписывался на организованную преступность, — даже для Втащу такая ситуация была неприемлема.

Славик-Айти молчал и смотрел за окно. Священник лежал неподвижно.

— Дебилы! — это крикнул Валера всем уже из прихожей, он единственный бросился на помощь раненому человеку. Раненому? Никто не знал... Он теребил в руках мобильный телефон, пытаясь вызвать «скорую помощь».

— Стой! — это Ваню направил арбалет уже на него, предварительно вложив новую стрелу. — Чё, сдать меня хочешь? Откуда кто узнает, откуда стреляли?

— Арбалет в этом подъезде только у бати... — опустошённо сообщил Сёма.

— Да пошёл ты! Никто тебя сдавать не собирается, а человеку помощь нужна! — Валера даже плюнул себе под ноги, прямо на пол, чтобы высказать Ваню своё презрение.

— Иди, Лысый, может, вместе помолитесь. Ладно, Махад, валим отсюда, — позвал Ваню друга. — Тут щас церковный хор будет.

— Вали, — глухо сказал Махад, — никто не держит.

— Ты чё, брат, и ты меня сдаёшь?

— Тебя в роддоме, видно, сдали.

— Пасть завали, чурек долбаный... — Ваню шмыгнул носом, цыкнул через зубы, сделал ещё какие-то движения, видимо, необходимые ему для самоутверждения или, как он считал, чтобы не потерять лицо. Двинулся боком к двери, будто ожидая нападения. Но никто этого делать не собирался.

Под окном Валера уже склонился над священником. Сёма смотрел туда с ужасом, ожидая хоть какого-то сигнала о том, что человек жив. Валера что-то говорил в телефон, вероятно, врачам «неотложки».

— Чё мы стоим-то, надо туда, — кивнул за окно Толик.

— Господи, пусть он только будет жив! — в первый раз в жизни взмолился Сёма, голос его дрогнул, а по щекам потекли слёзы.

Но никто его слабости не осудил и не высмеял. Более того, если б он мог внимательно следить за другими, то увидел бы, как подергивалось лицо Славика-Айти. У того тоже напрашивались слёзы.

Они гурьбой выкатились на улицу, обогнули дом, подбежали к Валере.

— Щас «скорая» будет. Стрелу сказали не трогать, — доложил Сила. — Надеюсь, сердце или лёгкое не задеты. Пульс есть...

Стрела торчала чуть наискосок ниже левой лопатки. Сёма присел рядом. Он не испытывал ничего, кроме жуткой безысходности. Понимал, что отцу придётся

ответить за брошенное как попало оружие. Но виноват в этом будет Сёма. А что скажет бабушка?

Рука сама собой потянулась к мобильному телефону.

— Надо отцу позвонить, я его подставил, — пояснил он на вопросительный взгляд Валеры.

— Погоди. Успеешь.

Но Семён не успел. Быстрее всего в этот раз приехала милиция. И как только появилась «неотложка», суровые, немного грустные сержанты, почти не ругаясь, усадили Сёму, Махада, Толю и Валеру в машину. Остальные, получалось, сбежали.

— Да мы ни в чём не виноваты, — пытался робко возразить Толя.

— Там разберёмся.

— Нас только в присутствии педагога допрашивать можно, — напомнил он же.

— А тебя что, уже допрашивают? — сержант был неумолим.

Валера и Махад сели в милицейскую машину молча. Так, словно их уже не раз арестовывали. Растерянного Сёму просто ткнули в сиденье рядом с ними.

— Всё нормально, братан, — неожиданно сказал ему Махад.

Толю, как самого разговорчивого, «упаковали» во второй автомобиль. Когда машины тронулись, Семёну показалось, что он увидел Вану, выглядывающего из-за угла. И ещё ему показалось, что он погрозил ему... Как-то погрозил. Кроме того, Сёма даже не помнил, захлопнул ли он дверь в квартиру...

Допрашивали их, как на карусели. То по одному, то всех вместе. Педагога, как положено, посадили рядом. Да только откуда он был, этот педагог, и понимал ли вообще, о чём идёт речь? Присутствовал под протокол да и только. Допрашивали традиционно: то посулами, то угрозами, то рассказывали им, чем грозит всем организация преступной группы, то говорили, что вот твой товарищ даёт на тебя показания и всё уже рассказал, то врвался вдруг начальник отделения и обещал всех отправить куда-то, где раки зимуют, то вкрадчивый следователь обещал, что никто не сядет, выстрел-то, мол, был случайный, скорее всего... Но самое удивительное, что никто из ребят даже не упомянул Ивана-Вану. Будто его и действительно не было с ними. И это было не по договорённости, не по сговору, как правильнее говорить, и уж тем более не из знания криминальных тонкостей. Просто молчали, и всё.

Ещё в машине Валера успел шепнуть Сёме: «Батю не подставляй, скажи, что в сейф с оружием сами залезли, знал, где ключи, и стой на том». За этот совет Сёма был Валере очень благодарен.

А мельница допроса крутилась. Вот уже и вечер поздний наступил, что угадывался где-то там за мутным окном, словно в параллельном мире. Вот уже и сказали, что родители приехали, но никого из них к ребятам не пустят, пока те не расскажут всё, как было.

И тут вдруг явились Славик с отцом. Славик потерянный, отец его громы и молнии мечет.

— Я с ними был, — признался Славик, когда всех снова собрали в одной комнате у следователя.

— Стреляли?

— Так точно. Из винтовки LaRue калибра 7 и 62 миллиметра.

— Чего?

— Штурмовая винтовка «морских котиков». В игре у меня такая...

И маховик закрутился снова:

— Так, может, это он из арбалета стрелял, и вы его всё это время выгораживали? — это уже к ребятам.

— Нет, не он. Он просто был. Все играли в компьютерные игры, никто не видел, кто стрелял.

«Карусель» крутилась. Педагог уже явно нервничал и дремал. Следующим актом было явление Ваню.

Их снова собрали вместе и ввели его в комнату. Следователь вкрадчиво спросил:

— Что вы нам хотите сообщить, молодой человек?

— Я стрелял. Но не специально. Я отвлекся... Так получилось, — глаза Ивана продолжали гореть непримиримостью к обстоятельствам.

— А все эти ребята помогали тебе целиться? — вскинул бровь оперативник, что привёл его.

— В игры они играли. Игроманы.

— Тогда кто вас отвлек?

— Я уж не помню. Орут же все, когда в «страйк» режутся.

— До этого вам приходилось держать в руках спортивный арбалет?

— В первый раз.

— А выпили вы перед этим сколько, молодые люди?

— Ничё мы не пили.

— Так вы окно-то специально открыли, чтобы целиться?

— Да, но в человека я стрелять не собирался.

— А в кого, простите?

— Ну... думал... голубя какого...

— Голубя, значит, не жалко?..

Дальше началось длинное и нудное заполнение протокола допроса. Причём по мере его заполнения то следователь, то дознаватели, то опера задавали всё те же вопросы, пытаясь свести дело к организованной стрельбе по людям.

Ближе к полуночи дверь открылась, и в помещение, где рядком сидели ребята, вошёл священник. Тот самый. Это был мужчина лет пятидесяти, крепкого телосложения. Седые волосы хвостиком собраны на затылке. Окладистая ровная борода. Серые глаза. Он окинул всех взглядом и сразу обратился к следователю:

— Здравствуй, Юрий Александрович, отпуская ребят...

— Здравствуйте, батюшка... Стало быть, повезло?

— Да, жизненно важные, как у вас пишут, не задеты, стрела на излёте была. Шок болевой. И всё. Отпускай ребят.

— Батюшка, в храме у себя командовать будешь. А мы уже протоколы оформили почти.

— Порви. Я их прощаю. Что я зря с самой больницы сюда вприпрыжку бежал?

— У нас ещё государство есть. Вот если оно...

— Юра, мы с тобой сколько вместе прошли? Слышишь меня, майор?

— Так точно, товарищ полковник, но...

— Юра! Не стоит им жизнь калечить. С вашими приводами потом ни в институт, ни в армию.

— Тов... Отец Андрей... Батюшка...

— Не благословляю! Слышал? Рви протоколы...

Ребята смотрели на всё происходящее как на явление инопланетянина. Сёма вдруг и сразу понял: Бог есть. Точно есть. И Он не только оставил в живых своего служителя, но и послал сюда. Вот о чём говорила бабушка... Бог коснётся. И было от этого касания и светло, и радостно, и как-то возвышенно больно... И смысл жизни, и весь мир вдруг открылись подростку в одно мгновение. И, наверное,

не одному ему. Потому вдруг неожиданно встал самый рослый и самый сильный Валера. Он подошёл к священнику и, словно выдавливая из себя по слову, через комок в горле, ломающимся голосом сказал:

— Простите нас, батюшка... Простите... — И вдруг зарыдал. Зарыдал, содрогаясь всем телом. — Правда, специально не стреляли...

Никто никогда не видел, чтобы он плакал, а тут он рыдал, не скрываясь. Священник вдруг притянул его по-отечески к себе, прижал. Погладил по коротко остриженной голове.

— Ну, всё... всё...

Глядя на это, заплакал и Сёма. Ему уже давно хотелось, но раз уж рыдал Валера, то куда ему-то!.. Даже Ваню отвернулся в сторону, растирая кулаком глаза, хоть и очень старался не подать виду. Через минуту плакали все.

— Ты это... батюшка... какой тут массовый катарсис устраиваешь...

— Дурак ты, Юра! Я, что ли? Господь посетил... — голос у самого священника тоже, похоже, дрогнул. — Ты ж знаешь, что буквально в старую рану попали. Как в десятку. Так-то я, быть может, на ногах устоял. А тут... Отпусти ты их, Юра. Я тебя как бывший командир прошу. Не верю я, что они специально.

Следователь поднял над столом только что с таким трудом распечатанную пачку протоколов и на глазах изумлённых оперативников одним движением порвал её сначала на две, а потом и на четыре части.

— Идите с глаз моих... долой... Все! И ты, отче! Сам же знаешь, безнаказанность хуже наказания.

— Мне отмщение и Аз воздам! — напомнил отец Андрей бывшему сослуживцу.

— Идите! Не рви мне душу!

Потом вышли в дежурку, где толпились бледные и взволнованные родители. Пока обнимались, целовались, объяснялись, никто не заметил: батюшка исчез так же неожиданно, как появился. Потом Валера вдруг подошёл к Ваню и тихо сквозь зубы сказал: «Тунеядец, говоришь?» Ваню только опустил глаза.

Отец Семёв заглянул в кабинет, откуда вышли ребята, и спросил:

— А батюшка где служит?

— Во Всесвятской, здесь... рядом... — ответил тот самый Юрий Александрович, не поворачивая головы. Он задумчиво смотрел в печальную осеннюю мглу за мутным стеклом.

Потом вышли на улицу. Так и шли — семьями, чуть растянувшись. Были какие-то уже ничего не значащие разговоры и тем более уже ненужные нравоучения.

— Заплатили, поди, попу-то... Точно заплатили, чтоб заяву забрал, — это сквозь зубы сказал отец Ваню, глядя в спины впереди идущих Сырцовых. Никто, кроме Ваню, его не слышал. И тот вдруг остановился, посмотрел на отца какими-то новыми глазами и попытался что-то сказать:

— Т-ты... А ты?.. Как же?!.. Это же... Эх!.. — и вдруг побежал. Побежал так, словно ему нужно было сдать кросс. Все на минуту замерли.

— Что это с ним? — спросила мать Толи, но никто ей не ответил.

Удивлённый и встревоженный отец Ваню стоял и смотрел до тех пор, пока силуэт сына не растворился в сырой октябрьской тьме.